

Знаменитые Земляки

...ОТОБРАЖАЮ ЧЕЛОВЕЧЕСКУЮ ЖИЗНЬ

ВОЙДЯ в этот небольшой уютный кабинет, не сразу отгадаешь профессию хозяина. Он мог бы быть рабочим, поскольку солидное место в комнате отведено верстаку с тисками и набором тщательно подобранных инструментов. Художником или скульптором, судя по тому, что вся комната увешана и уставлена картинами, рисунками, оригинальными работами по дереву. Путешественником, заполнившим свое жилище всевозможными экзотическими вещами — от шахтерской лампы до причудливых восточных масок...

Но когда знаешь, что находишься в гостях у народного артиста СССР Евгения Алексеевича Лебедева, невольно смотришь на вещи иначе, находя в них штрихи творческой биографии артиста.

«Лебедев в роли Бессеменова» — рисунок Лебедева. Таким актер увидел горьковского персонажа. И, рисуя мещанина Бессеменова, он размышлял над характером этого человека, одержимого стремлением предотвратить крушение своего мира, глубоко страдающего от каждой потери и ставшего фигурой подлинно трагической.

...Миниатюрные скульптуры лошадей на секретере, белый камень с надписью «Холстомеру от потрясенного зрителя» — это след последней работы актера на сцене АБДТ.

...Портрет Л. Н. Толстого, вырезанный из дерева, — плод долгих размышлений и «оживления» в Толстого — недавняя работа Лебедева.

...Пухлый том М. А. Шолохова на столе — вместе со всем театром Евгений Алексеевич готовится к постановке «Тихого Дона».

— Евгений Алексеевич! Прежде всего разрешите вас поздравить с 60-летием, хотя, честно говоря, как-то непривычно видеть вас в роли солидного юбиляра...

— И для меня эта роль несколько неожиданна. Кажется, совсем недавно не то что в антрахах «среднего поколения», в молодых ходил. Во всяком случае ощущал себя таковым. Может, оттого, что всю жизнь учился — сначала рабочему делу, потом актерскому — у людей, с которыми сводила жизнь, у больших мастеров, с которыми приходилось работать, у Толстого, Горького, Шолохова... Но время есть, время, немало прожито, не так мало и сделано...

Я знал театр и как рабочий сцены, и как бутафор, и как электрик, и как художник (правильнее будет сказать — маляр) декораций, и как участник самодельности. А до этого кем только мне ни приходилось работать: грузчиком, арматурщиком на стройке, молотобойцем в кузнице, вальцовщиком на фабрике... С 12 лет в школе ФЗО начались мои рабочие университеты. И, пожалуй, я никогда бы не смог сыграть того, чего не видел, не пережил, не испытал, не «пропустил» через себя...

Мое поколение — поколение ровесников Октября.

Наше становление совпало со становлением нашей страны. Активное участие в общем деле было естественной потребностью молодежи тех лет. Смыслом нашей жизни было — строить новую жизнь для других. Поэтому, наверно, мне до сих пор особенно дорога одна из моих первых театральных ролей — Павка Корчагин на сцене тбилисского ТЮЗа.

В жизни Николая Островского и его героя меня до сих пор восхищает удивительная широта человеческого характера, способность к ежедневному подвигу... Мне не раз приходилось встречать молодых людей корчагинского духа — на целине, на строительстве Красноярской ГЭС. Я беседовал с ними в промокших палатках, до которых на транзитах добрались наши актерские бригады. И так естественно звучали там знаменитые строки, давно уже ставшие школьной прописью...

— А как складывались ваши «театральные университеты»?

— В 16 лет у меня за плечами было всего шесть классов школы, но уже немалый жизненный опыт. Житейские трудности, которые столь щедро отпустило время моему поколению, научили не распыляться по мелочам, не тратить себя попусту, научили самостоятельности и умению работать на совесть.

Сейчас, переступая порог седьмого десятилетия, я могу позволить себе поворочать, глядя на сегодняшнюю театральную молодежь. Мне кажется, что именно этой самостоятельности — и в жизни и на сцене — ей часто не хватает.

Смотрю иной спектакль в Театральном институте или даже в профессиональном театре, и отчетливо видишь только работу режиссера. Но ведь каков бы ни был режиссерский текст, расставить в нем запятыя, точки, многоточия — дело актерское. И, чтобы выполнить его, надо знать правила актерской грамматики.

Есть талант и есть ремесло — последнее тоже очень уважаемое для меня слово. Ремеслу надо учиться. Талант поможет овладеть им. В свою очередь профессиональная подготовка поможет раскрыться таланту. А иного пути нет в нашем искусстве.

С какой благодарностью вспоминаю я сейчас студию Камерного театра, ту «муштру», которой подвергали нас педагоги! Ежедневные уроки ритмики, пластики, сценического движения, работа до седьмого пота на «шведской стенке», у балетного станка... Мы учились в совершенстве владеть своим телом, управлять каждой мышцей, каждым мускулом лица. Разве мог бы в шестьдесят сыграть Холстомера, не пройдя через это?

Впрочем, вы спрашивали о моих актерских университетах... Учеба, разумеется, была только началом. Окончив Центральный техникум сценического искусства, я попал в Тбилиси, в ТЮЗ. Семь лет работы на сцене этого театра стали для меня отличной профессиональной школой. Я играл и Бабу-Ягу, и пса Артемона, и ведьму, и Иванушку, и Митрофанушку... Во всяком ТЮЗе святой закон — любую роль играть с полной отдачей. Вообще я убежден, что в ТЮЗах должны быть собраны лучшие актерские силы. Этого требует специфика детского театра, театра с самым благодарным и восприимчивым зрителем.

Сегодня народному артисту СССР Евгению Алексеевичу Лебедеву исполняется 60 лет. Театральная общественность отмечает и еще один знаменательный юбилей — 20-летие работы артиста на сцене Академического Большого драматического театра имени А. М. Горького

Мы давно привыкли к тому, что каждая встреча с этим замечательным мастером — на сцене театра, в кино или на телеэкране всегда открытие, всегда неожиданность — настолько разнообразна творческая палитра актера. И сегодня, в день своего 60-летия, Е. А. Лебедев полон новых планов, новых замыслов...

Двадцать лет назад судьба (ее угадующим перстом был Георгий Александрович Товстоногов) привела меня в БДТ, где мне посчастливилось работать с актерами больших ролей, больших масштабов, блистательными мастерами сцены. Светлые воспоминания остались у меня о Е. М. Грановской, чья жизнь — пример беззаветного служения театру до самых преклонных лет. С гордостью я считаю своим учителем А. И. Ларинова — актёра-глыбу, представителя старой русской театральной школы. И, приходя в свою гримерную, я никогда не забываю, что именно в этой комнате готовился к спектаклям сам Ларинов. Для меня в этом есть особый смысл.

Я работал на сцене с В. Я. Сафоновым, О. Т. Казанов, В. П. Полицейманом... И это была уже не школа — настоящая академия!

— Вы назвали угадующим перстом своей актерской судьбы Георгия Александровича Товстоногова. Здесь требуется расшифровка.

— С удовольствием. Не стоит говорить, как важно артисту встретить «своего» режиссера, человека, отношения с которым строятся на полном доверии, единстве взглядов, открытости и даже влюбленности — творческой и человеческой. Мне в этом отношении повезло.

Еще в студенческие годы мы вместе учились в Москве, жили в общежитии на Трифоновке. Но так сложились обстоятельства, что тогда мало: Товстоногов раньше закончил и уехал работать, а я все догонял сверстников на ниве образования.

Встретились несколько лет спустя, в Тбилиси, где Георгий Александрович работал в Русском драматическом театре имени Грибоедова. При нашем ТЮЗе была организована студия, руководить которой пригласили Товстоногова. И я, преподававший в этой же студии, на занятиях Георгия Александровича частенько ощущал себя не педагогом, а учеником.

К счастью, тогдашняя наша встреча вылилась в

длительное творческое сотрудничество — сначала на сцене Ленинградского театра имени Ленинского комсомола, куда Георгий Александрович пригласил меня в 1949 году, потом — в БДТ. До сих пор Товстоногов для меня — авторитет и то «зернало», через которое я себя проверяю. Мы прекрасно понимаем друг друга, хотя бывает, спорим до хрипоты. Но в нашем деле разговором ничего не докажешь. Доказывают на сцене, на репетициях. И многолетняя работа давно уже подтвердила общность наших взглядов, нашего прочтения той или иной пьесы.

— Евгений Алексеевич, если собрать всех ваших театральных и киногероев, мест для них, вероятно, не хватит и в большом зале БДТ. И какая пестрая это будет публика! Но кого бы из них вы усадили в первом ряду, кто особенно дорог?

— Вопрос вроде этого задают часто, но, по-моему, неправильно его ставят. Труд актера, его работа преходяща. Роли сыграны — они ушли. Остались в кинолентах, в фотографиях, остаются скорее у зрителей, чем у артиста.

Такова уж наша судьба: одна роль кончается, а параллельно уже идет другая, накатывается третья... Какая тут любимая? Какая главная? Дело не в этом.

У каждого истинного актера есть своя тема, своя человеческая позиция, свое отношение к событиям, к фантамам, к жизни. Их-то актер и выражает через роли. А получают они живыми или мертвыми в зависимости, насколько активен исполнитель в самой жизни.

Что же касается «любимых» ролей, то для меня таковой всегда будет та, что предстоит играть завтра, к которой готовишься, которой уже живешь...

— В таком случае, это должен быть кто-то из героев «Тихого Дона»?

— Шолохов — моя искренняя влюбленность сейчас. Читаю, не могу оторваться — манит, притягивает и себе. Кажется, что не чи-

тал «Тихий Дон»? В кино — не одна, две постановки! А я сейчас перечитываю и поражаюсь, сколь глубоко, сколь вечно, сколь современно. Думаю, что никакая постановка «Тихого Дона» не может отразить и исчерпать весь роман — так многогранно это произведение. Как великолепно выписаны люди! Маленький эпизод, несколько фраз — и весь человек. Для меня Шолохов — та школа, та традиция, которую я, как художник, хотел бы продолжать в искусстве.

— В нашем сегодняшнем разговоре не обойти вниманием кино — ваша известность как киноактера давно уже соперничает с театральной. Тем более что и тут есть «юбилейный» повод — первый фильм с вашим участием — «Римский-Корсаков» вышел на экраны четверть века назад.

— Но сыграл я в нем отнюдь не великого композитора, а Кашея Бессмертного. И первое время меня постоянно приглашали на роли заведомо «отрицательных» героев. Таких, как Ромашов в «Двух капитанах». На одном из обсуждений мне пришлось буквально спастись бегством от чересчур впечатлительных юных зрителей.

Работа в кино для театрального актера, конечно, очень специфична. Когда я в зале смотрю только что снятый фильм с моим участием (а некоторые, честно признаются, я так и не видел), у меня часто возникает желание тут же все переделать. Ведь кинолента одинаково бесстрастно увековечивает как наши успехи, так и наши промахи... Тем не менее минувший год был у меня что-то особенно «урожайным» на киносьемки. На «Ленфильме» закончил сниматься в 3-й и 4-й сериях «Блокады», в объединении «Экран» снялся в телевизионном фильме «Не поле перейти». На студии имени Горького делала роль механика Кулибина в картине «Есть идея!», на Одесской студии в новом фильме о советских дипломатах играю Черчилля. Интересной, по-моему, будет картина студии имени Довженко «Театр неизвестного актера». Здесь, кстати, состоялся актерский дебют (на мой взгляд, удачный) уже известной эстрадной певицы Елены Камбуровой.

Десятки жизней прожил Евгений Алексеевич Лебедев за многие годы работы на сцене театра и в кино. Среди его героев были люди грудных судеб, противоречивых характеров, в напряженной борьбе с собой и обстоятельствами ищущие разрешение нравственных конфликтов, фигуры иногда трагические, но никогда не заурядные. Все вместе они отразили самые разнообразные грани человеческого характера.

«Есть великие эпохи, и есть короткая человеческая жизнь», — сказал как-то Евгений Алексеевич. — Спектакль должен отражать эпоху, но я, актер, отображаю человеческую жизнь».

Беседу вел А. ЕЛИЗАРОВА

Фото А. Дроздова